

С.С. ВЫСОТСКИЙ
О МОСКОВСКОМ НАРОДНОМ ГОВОРЕ

Запись лекции-беседы, прочитанной
в Институте русского языка
АН СССР 6 июня 1972 г.*

Я нахожусь в большом затруднении, потому что у меня очень много материала, который накапливался буквально десятилетиями. И хотелось бы по многим разделам сказать немножко в другом плане, чем обычно говорят на тему о городской диалектологии. Потому что очень много уже теоретического и практического известно. И вот мое сообщение — это один из аспектов изучения московского говора, а не энциклопедическое обозрение этого вопроса. Мне кратко приходится упоминать о том, что вы и сами хорошо знаете, но это для порядка нужно перечислить. Вот такие, например, вопросы: что подразумевается под московским говором? Не только я даю это определение. Конечно, языковеды старшего поколения уже давали такие определения. Здесь подразумевается речь коренного московского населения, наиболее отдаленная от литературного языка. Когда мы записываем диалектологический материал в деревне, там этот вопрос прозрачен. Там все лежит на поверхности. Что значит речь, наиболее отдаленная от литературного языка? Ведь московский народный говор, как нас учили, лежит в основе литературного языка.

Литературный язык генетически близок московскому народному говору, тут взаимовлияние идет. Тут взаимная обратная связь влияний. Но в конце-то концов надо все-таки напомнить, что московский народный говор — это обособленная единица в языковом подразделении, но края ее, периферия очень размыты. В чем отличие московского говора от литературного языка? Тут я хочу напомнить о некоторых вам известных высказываниях наших классиков, филологов, например Шахматова, в историческом плане, когда он писал еще об этом в 1911 г., это в литературном курсе его "Очерк современного русского литературного языка". Там так говорится: "Между современным языком образованных классов и языком московского простонародья, в особенности в области произношения, различие незначительно". Ну и тут всякие классические определения, которые более или менее потом пересматривались в поздний период: консонантизм московского говора — северный, а вокализм — южнорусский. Позднее Чернышев указывал, что многие примеры на ударение слов ближе к стихии севернорусской и лексика тоже тянет к севернорусской, а не к южнорусской. Теперь вспомним ранние высказывания Дурново, которые он повторял и позднее, в последнем даже издании "Введения в историю русского языка", изданном в Брно в 27-м году. Он там говорит, что в литературном языке произношение и формы словоизменения в общем совпадают с произношением и формами словоизменения московского говора. Словарный же состав и словообразование наполовину церковнославянские. Ну вы понимаете, что под этой устаревшей терминологией кроется. Соболевский очень еще рано, в 97-м году прошлого века, говорил, что литературный язык — это говор, который употребляем мы сами и который слышится у образованных людей. Центр и родина его — Москва. И он сам так хорошо говорил, он с Пресни, у них там собственный дом. Сейчас этот район объявлен заповедником, и там даже не ломают дома,

* Публикация подготовлена сотрудниками сектора современного русского языка ИРЯ АН СССР. При публикации отдельные особенности устной речи были опущены

улицы снова мостят булыжником, в общем оставляют кусочек старой Москвы такого рода, как она была в девятьсот пятом году. Потом Соболевский в этой же работе, в "Опыте русской диалектологии", говорит: "Если мы обратимся к московскому простонародному говору, то увидим, что никаких звуковых особенностей он не имеет". Вот так. Что значит "не имеет"? Ну тут речь идет об особенностях каких-то, значит, о какой-то экзотике. Но главное отличие его от нашего говора — в формах и словарном материале. Говор имеет ряд форм и слов, которые нам хорошо известны, но которые мы считаем вульгарными. Например, там *моё, твоё, рублёв, баранков, дённо, пять дён, сазон (сезон), до ких пор, жгёт, жгём*, такое спряжение: *положь, положьте, не трожь, слышь, пужать, пуцать, сосед, ефот, таперича, дарма́*. Все это считалось вульгаризмом и не принималось в литературный язык, но это свойственно было и московскому народному говору.

Теперь вот еще такие есть общие вещи, которые всегда приводятся на первых страницах курсов общего языкознания или курсов истории русского языка, что московский городской говор противопоставляется устно-разговорной форме литературного языка. Различия между русским языком и московским народным говором в области лексики, словообразования, словоизменения по известным историко-лингвистическим причинам были значительные еще в конце XIX в. Тем более в настоящее-то время эти различия стали минимальными. Вот еще интересно привести высказывание о специфических признаках звукового строя московского говора Дмитрия Николаевича Ушакова. В работе "Русская орфоэпия и ее задачи" (это в сборнике "Русская речь" 28-го года) он говорит, что главное различие — в произношении. Потому что слишком мало единиц различается лексически или

морфологически. И тут он переходит с одного определения на другое. Для него термины "народный говор" и "просторечие" — это одно и то же. Как вы знаете, термин "просторечие" — уже не совсем настоящий термин, потому что допускает разные толкования. Но в данном случае, когда в старой литературе встречается выражение "просторечие" в этом плане, это реминисценция понятия простой народ. А во всех современных словарях сказано, что это устаревшее понятие, лишь в применении к дореволюционному периоду развития русского общества это понятие "простой народ" применимо. Значит, слово "просторечие" сейчас все понимают по-разному, но в данном случае Ушаков имел в виду просто вот тот народный говор, о котором сейчас идет речь. Но когда мы говорим о произношении, то надо процитировать одно место из этой же работы Ушакова, и вот почему. Он пишет, что не надо смешивать язык в широком смысле с произношением и относить к произношению то, что к нему не относится. Например: *жѣт, у моеѣ жене, склизко*. Это не особое неправильное произношение слов *жжет* и так далее, а просто это другие слова, которые не приняты в литературном языке, но существуют в говорах, между прочим и в московском просторечии. Правильному литературному языку можно научиться из книг, написанных и немосквичами, и из устной речи немосквичей. Правильному же произношению можно научиться только путем знакомства с устной речью москвича. И вот тут вспоминается знаменитая пушкинская просвишня. "Пушкинская московская просвишня — безусловный образец, конечно, только произношения, а не литературного языка в целом, так как она, конечно, могла говорить и *склизко*, и другие не допускаемые в книжный язык слова и формы. Однако эти неправильные слова она произносила правильно, по-московски." Я напомним вот этот хрестоматийный пример из Пушкина. У Пушкина так сказано: "Не худо нам иногда прислушиваться к московским просвишням. Они говорят удивительно чистым и правильным язы-

ком". Тут Ушаков добавляет, что Пушкин имел в виду главным образом, по-видимому, чисто русские слова и выражения, сочные и меткие, которых часто не хватает книжной речи. Мне кажется, отсюда все-таки трудно исключить и понятие живого звучания.

Теперь о необходимости различать понятие орфоэпии и правильного произнесения. Мне здесь приходится отступить, сделать, так сказать, нежелательный экскурс в сторону. У славистов есть понятие не только орфоэпия, но и ортофония. Ну если бы сказать по русски — о р ф о ф о н и я , неблагозвучное такое слово, но это польское — ортофония. Лингвисты время от времени об этом напоминают. Вот Дмитрий Николаевич Ушаков давно уже об этом хлопотал, чтобы лингвисты не путали эти понятия. У Григория Осиповича Винокура незадолго до смерти также была статья на эту тему.

И Надия Александровна Янко-Триницкая писала об этом, чтобы не путали по плохой традиции разные вещи, когда к фонетике относят ф о н е м н ы й с о с т а в с л о в а , что на деле принадлежит области лексики и морфологии, а не собственно фонетике, не живому произношению. Так что в любом учебнике, и даже в большинстве из них, можно найти, что в число фонетических признаков часто ошибочно включают *тó*, например, когда говорят о русских диалектах: окончание 3-го лица глагола [т'] в противоположность тому, что в других диалектах [т]. Или окончания прилагательных мужского рода такого типа как *тонкий* и старое книжное *тонкый*: вот — *кий* или *кый* тоже считается фонетикой совершенно ошибочно. Или наличие [ж] в корреспондирующей группе [жд] в словах *надежда* и *надежа* относится к современной фонетике. Или вот окончания глаголов *хóдят* или *хóдят?* (Когда известно, что это *-ут* взято из другого спряжения.) Но это Ушаков предлагал в свое время, и другие авторы напоминают, чтобы это не называли произношением. Ведь в этом аспекте примеры *он идѣть* или *он идѣт* одинаково ортофоничны. Ведь согласные звуки [т'] или [т] в конце слова одинаково допустимы в аспекте звукового оформления слова. Ну посмотрите, слово *быть* или *быт* есть, *путь* и *пуд*, *рать* и *рад*, почему бы тогда не *идѣть* и *идѣт*, вполне ортофонично! И вот Ушаков и говорит, что московский народный говор не вот этим отличается, а именно живым произношением. То есть я считаю, можно сказать, что для характеристики московского говора, фонетической в основном, нужно определение, показывающее специфику фонетического слова. А именно живую вариативность гласных и согласных фонетического слова, обязательные позиционные и комбинаторные оттенки гласных и согласных, которые обусловлены ритмической структурой слова, местом его во фразе, фразовой интонацией. В этом аспекте, например, такие случаи, как произношение святой, тяжелый совершенно недопустимы, они противоречат живой тенденции оформления фонетического слова, поскольку, как в школе говорят, безударная буква я не читается как я. Это в школе говорят, и вполне лаконично сказано. Я должен напомнить, что для литературного языка такие произношения для полного стиля неправомерно, как мне кажется, допускал Щерба. Помните, вот в "Фонетике французского языка" у него есть пример русской транскрипции: *Я пá[m'a]тник себе воздвиг нерукотворный*, там есть еще примеры произношения буквенного, которое не является живой закономерностью языка.

Теперь, после этих предварительных замечаний, я хочу сказать вот о чем. Какова же история изучения московского говора? Сведения о речи коренного московского населения в специальную литературу поступали издавна и по двум линиям. В меньшей мере из этнографических очерков и статей в газетах и журналах XIX в. Очень много интересного материала здесь можно найти. Но в основном начиная с XVIII в. еще в трудах Ломо-

носова, в рукописной грамматике Барсова (она есть в библиотеке МГУ), в работах Тредиаковского и так далее можно найти сведения о специфических признаках московской речи как основы литературного языка. Причем правильный социологический аспект — признание приоритета московской речи — нередко заслонялся сентенциями об ее эстетических достоинствах, о благозвучии высокой московской речи по сравнению с более серой, некрасивой диалектной речью, в частности, речью низкой Но, между прочим, если вы у Даля проверите термины (народные термины) "говорить свысока" или говорить "низким говором" — это обозначает лишь речь *акающую* и противопоставленную ей речь *окающую*. Возможно, и социологическая база вот у этих определений была, когда они возникали, — речь "высокая" и речь "низкая". Но по словоупотреблению данных терминов, как показано у того же Даля, можно видеть, что здесь когда говорят "свысока" — это просто аканье, ну, например: "к Смоленску — еще более свысока говорят". Не может же быть, чтобы Даль считал, что ближе к Смоленску лучше говорят. Тут момент, конечно, не эстетический, а чисто лингвистический. На рубеже XIX—XX в. история русского литературного языка и русская диалектология сложились как отдельные дисциплины. И вот в этот период ряд авторов — Корш, Соболевский, позже Дурново, Ушаков, Шахматов и другие — без особых предварительных разысканий, исходя лишь из своего практического знания московской речи (буквально — это вещь в себе, никто ее не видел, не знает, и в то же время все как-то знают и понимают интуитивно), и вот они (без особых разысканий) создают характеристику ее основных признаков, и именно той ее разновидности, которая именовалась тогда языком образованной части московского населения. То есть они говорили о литературном языке. При этом упоминалось, что существует хотя и близкий, но другой тип московской речи, а именно городской мещанский говор, говор низших слоев населения, говор необразованных классов, причем (слово класс тут нетерминологично) под этим подразумевались различные социальные группировки, сословные, профессиональные и так далее, речь которых заметно контрастировала с литературно обработанной нормой литературного национального языка.

И вот, несмотря на неотстоявшуюся терминологию, все же можно понять, что в таких случаях речь идет о подлинно народном говоре, в тот период называемом иногда просторечием — в связи с понятием о простом народном языке. Нужно еще упомянуть вкратце о работе Кошутича. Планомерным изучением московского говора был занят сербский ученый Кошутич, который лет за 10 до Великой Октябрьской революции специально наблюдал и транскрибировал речь группы коренных москвичей, представителей интеллигенции старшего и младшего поколения. В результате была написана известная "Грамматика руског језика", в 16-м году, по-моему, она вышла, где обширный фонетический раздел отражает не только специфику русского литературного произношения в московском изводе, так сказать, но и различия в речи двух поколений. Нам довелось слышать живую речь некоторых из этих испытуемых, лет через 30 после работы Кошутича, и проверить точность транскрипции известного сербского фонетиста, который был на высоте своего мастерства. Один из дикторов тогда был Дмитрий Николаевич Ушаков, которого я-то хорошо знал, он мой учитель был, и речь которого, к счастью, оказалась зафиксированной, хотя и позже — в 30-х годах, в граммофонной записи. Я ее показывал года два назад здесь, но впоследствии эта запись была переведена на магнитофонную ленту. Значит, необходимое сравнение можно проводить и теперь. Кроме того, у нас есть возможность слышать живую речь членов

25

семей тех дикторов, которые были тогда описаны Кошутичем в качестве "mladých moskovlân". Я имею в виду семью Ушаковых, семью Щепкина, профессора Щепкина. Кстати, к вопросу о цензе произношения дикторов. К категории коренных "mladých moskovlân" Кошутич причислил одного диктора, сына профессора Щепкина, но старшее наше поколение помнит и самого Щепкина. Но его ныне здравствующая сестра в современной речи обнаруживает элементы южнорусского говора. Я имею в виду речь Марфы Вячеславовны Щепкиной, работницы Исторического музея. Мы давно уже, лет десять назад, ходили в Исторический музей и записали ее лекцию о древних рукописях. И вот оказалось, что в ее современной речи обнаружились черты южнорусского говора, которых, по ее словам, в молодости не отмечалось. Ну, я думаю, что здесь налицо реминисценция детской речи, как возрастное явление. Ее мать, давно скончавшаяся, духовного звания и родилась в Рязанской губернии, как она мне рассказала. Вот в этом аспекте материал Кошутича требует проверки.

Теперь вот изучение московского говора в наше время. Оказывается, что широкое систематическое изучение московской городской речи впервые предпринято сектором современного русского языка нашего института. Эта работа ведется много лет и большим коллективом, очень опытным. У них отсортировывается главное и побочное. Главная задача — записывать и изучать речь в очень широком диапазоне параллельных вариантов языковых систем, начиная от наиболее отдаленных от литературного образца до разговорно-бытовой формы литературного языка.

Итак, эта заведомая неоднородность объекта наблюдения зависит от того, что современный срез языкового ландшафта большого города, как известно, представляет продолжение, наследие многих линий развития городской речи Москвы дореволюционного периода, причем речи различных социальных кругов городского населения. В связи с новыми качественными условиями развития национального языка в послеоктябрьский период эти линии смешивались, нередко теряли свои прежние отличительные черты, испытывали влияние вновь складывающегося языкового стандарта, а с другой стороны, не могли устоять от воздействия на систему и диалектной речи пришельцев, новых москвичей, которых сейчас в Москве — вместе с их вторым поколением, уже московскими уроженцами, — до 80%. Если вспомнить, что и до

революции Москва когда-то тоже была неоднородной, в ней было около полутора миллионов только населения, а сейчас до семи миллионов, и, безусловно, Москва пополнилась в таком гигантском масштабе за счет приезжих, а не путем естественного прироста. Но когда мы говорим о приезжих, вопрос касается тех иммиграционных волн, которые наполнили Москву в начале и середине 20-х годов, и затем в конце 20-х и в 30-х годах. Социология этого вопроса не разработана, и имеется лишь общее представление, что эти массовые иммиграционные волны все-таки в основном были представлены населением крестьянским. В начале 20-х годов хлынула в центр и интеллигенция. Безусловно, большие сдвиги русский литературный язык тогда уже получил. Заселение Москвы конца 20—30-х годов — в основном крестьянское. Вот предмет моего изучения по сравнению с предметом изучения сектора современного русского языка несколько сужен. Из всех разновидностей современной речи, которые можно сейчас наблюдать в Москве, я останавливаюсь на данной разновидности определенных слоев коренного московского населения, наиболее противопоставленной разговорной форме литературного. Эта речь сохраняет преемственность с дореволюционным мещанским московским говором и, несмотря на утрату многих специфических признаков, некогда отделявших ее от генетически

26

близкого ей литературного языка, может еще относиться к самостоятельному языковому подразделению. Большое количество моментов совпадений московского городского говора с литературным языком показывает, насколько трудно выделить контур данного говора, но вовсе не снимает самой задачи, ведь ее решение необходимо, поскольку пресловутый московский говор, претерпевший в новых исторических условиях качественные изменения, все еще репрезентирует во многих отношениях облик той стадии своего развития, который некогда изучали языковеды при разыскании источников возникновения русского литературного языка и который имели возможность наблюдать литераторы и драматурги, оставившие нам в своих произведениях яркие картины московского быта прошлого века. Я тут вспоминаю не только одного Островского. И вот как вещь в себе московский городской говор практически многим известен, по крайней мере в театральной практике его применение как стилистическая окраска роли бывает безошибочно точным и интуитивным, поскольку никакие пособия по сценической речи не излагают с необходимой подробностью правила старого народного московского произношения, ну, в частности, растяжка безударных гласных, характерная длительность и так далее. Интересный момент мне пришлось в жизни наблюдать, я был однажды в клубном спектакле при одной крупной фабрике, ставили "Бедность не порок" — пьесу, которая очень давно нигде не идет. Там был не очень удачный режиссер, который по правилам речи ничего не мог сказать, тем более, что сам он не владел правильным литературным произношением. И вот оказалось (вы помните, там показана купеческая среда, святки, девушки там приходят — старый такой патриархальный купеческий быт), и вот девушки (а они ткачихи) с образованием там пять-шесть классов, которые ни в каких тонкостях литературного языка и московского народного говора не разбирались, и вдруг меня поразило, что они произносят реплики своей роли с такой растяжкой, с такой интонацией, которая как раз и соответствует моему представлению о московском народном говоре. Я тогда стал спрашивать: "Почему вы так странно говорите (вот образцы такой записи я вам покажу, у меня магнитофонные записи есть), почему вы так растягиваете, странные такие ударения делаете, ведь вы же так не произносите в живой речи?" Они говорят: "Так нужно". Они мне ответили: "Так говорят по-простому здесь". Я говорю: "Ну что значит по-простому? Какая-нибудь из колхоза приехала, будет по-деревенски говорить?" — "Нет-нет, так говорят замоскворецкие купчихи". Я говорю: "А вы ж никогда не видали и купчих-то, тем более замоскворецких". — "Нет, мы знаем, как надо". Вот они уперлись, что они знают как, но не могли мне показать источника своего знания. И вот характерно, когда мне приходится на занятиях показывать образцы московского народного говора, я встречаю массовое понимание, какая-то улыбка такая вот, говорят: "А, мы знаем в чем дело, как это смешно, по-старинному, это так вот было, а сейчас вот нету". Значит, какое-то представление об этом есть. Но в учебнике сценической речи ничего этого не сказано и не может быть, и я знаю это, потому что некоторые из них писались, так сказать, с ведома нашей лаборатории. Вот известные авторы Полетова, Козлянинова. Они работали в нашей лаборатории, и вот в ГИТИС'е они излагали этот материал, который и у нас прослушивали и интерпретировали его. Кто видел спектакль "Валентин и Валентина"? Мы параллельно смотрели эту вещь в "Современнике" и во МХАТ'е, мне удалось во МХАТ'е посмотреть, и меня поразило. . . Там ведь конфликт такой, что в интеллигентской семье — дочка, а в семье, где мать проводница поезда, — сын, и вот не позволяют им жениться в современных условиях. Между прочим это ин-

27

теллигентская семья, там по высказываниям ("мы сами не княжеского происхождения") видно — это первое или второе поколение, из народа интеллигенция, а там неинтеллигентная современная московская семья, и вот интересно, что говорят стандартным литературным разговорным языком все, и главное молодежь, представители этих двух антагонистических, как бы сказать, в лингвистическом плане семей говорят одинаково, но мать дает какие-то краски, которые, как говорится, "вот бьется, а в руки не дается", что-то такое другое, что по старой терминологии можно было бы назвать "простонародным", а вот попробуйте-ка подобрать термин, как назвать этот тип произнесения? Современная городская социология совершенно не разработана в этом аспекте, и хотя мы все знаем, о чем идет речь, мы не знаем, как это назвать, потому что терминология старая изжила сама себя, она получила новое социальное

содержание и уже не покрывает это понятие, и мы не знаем как быть, а понятие-то существует.

Вот я говорю о том, что такое московский народный говор в моем представлении, и если в момент своего возникновения когда-то московский городской говор и был четко приурочен к городским низам, к определенной общественной группе населения в качестве ее основного средства речевого общения, то впоследствии он, видимо, получил расширение социальной сферы применения. Как иллюстрация можно вспомнить простонародную речь, которой отличалась в высшем свете московская аристократка Ахросимова в "Войне и мире". Безусловно, этот говор продолжительное время влиял и на формирование литературного языка, вспомните тут о пушкинской просвиrne.

Конечно, в настоящее время в числе носителей изучаемого говора можно найти представителей различных слоев общества, в том числе и интеллигенция и новой, и старой формации; поэтому социальный тезис, что это — мещанский говор, стар, он даже и в старом аспекте не годился в данном случае, но чтобы все-таки удостовериться в типичности изучаемого материала по теме, приходилось собирать в определенной этнографической среде, минимально связанной с практикой употребления литературного языка, и на фактах своей лингвистической биографии показывать, что здесь живет континуация, продолжение московского говора, который в дореволюционную эпоху квалифицировался как говор простого народа. Чтобы представить историческую перспективу развития московского говора, следует коснуться условий существования кругов его носителей в этнографическом плане, и в таком историческом несколько плане.

Сравним Москву с самого начала ее возникновения и Москву современную. И образно выражаясь, можно сказать, что старый народный мещанский говор от современного народного говора так же отличается, как вот эти две карты друг от друга. Можно подойти и разглядеть, вы узнаете эти районы, вот видите, лесá, и болота на периферии, а сейчас леса новостроек, я сам живу там. . . Вот этнографическая структура города, которую надо знать. Не обязательно коренным москвичом надо быть, чтобы все-таки знать место, где мы живем, в плане исторической этнографии. Я думаю, что я могу так быстро кое-что нарисовать (рисует на доске).

Вот предположим, это вот территория Москвы, вот это Дорогомилово, вот это Хамовники, вот это Замоскворечье, и потом идет Симоново и так далее. Ну Кремль треугольник, первый посад, который позднее вырос в Китай-город. Потом позже Белый город по бульварному кольцу. Вот это линия бульвара, Камер-Коллежский вал на пересечении. . . Как говорили, Петербург строили, а Москва строилась. Много такого самодетельного всего было в Москве, и объяснялось это, конечно, историческими причи-

28

нами. Купечество, как вы знаете, это Замоскворечье. Купечество таганское, оно посреее. Рабочее население жалось на окраинах где сосредоточились промышленные предприятия. Ткацкие фабрики — "Трехгорная мануфактура" и так далее, Черкизово, Семенка — это все ткацкое, а машиностроительные - это где более квалифицированный пролетариат, это вот это (показывает), Симоновское...

И вот слаборазвитый общественный строй даже способствовал тому, что место жительства населения могло служить местом его работ. Мещанское ремесленное население было рассеяно по всему городу, во-первых, в районе Трубной, это исконно ремесленные такие территории, затем специализации: Марьино роща — это башмачники, сапожники, с этой территорией неспроста связано московское старообрядчество, которое, как вы знаете, имело определенную топографическую весомость, сосредоточено было в восточной части населения, а не там, где более интеллигентная, так сказать, просвещенная часть общества жила.

Под какие влияния мог попадать московский народный говор, который, с одной стороны, питался народным говором, с другой стороны опирался на литературный язык?

Теперь мне хотелось бы поподробнее рассказать о мещанах как этнографической группе в Москве, потому что когда язык складывался, особенно в начале XX в., тогда он оправдывал термин "мещанский говор". Но вообще мне представляется, что как этнографическая группа она не соответствовала в целом понятию сословия мещанского, потому что включала в себя население, принадлежащее сословию и духовенства, и купечества, и другим. По этнографическим описаниям XIX в. замечается большое сходство в быте и языке. Вот эта языковая база населения этого, что она из себя представляла? Это были мелкие ремесленники с семьями своими, кустари, мелкие торговцы, огородники на окраинах города (ведь Лужники на нашей памяти застроились, там огородники жили), служащие торговых предприятий, мелкое чиновничество, представители духовного звания, частично рабочие на фабриках и более или менее крупных мастерских Тут я подчеркиваю — не рабочие в Москве, а ведь рабочие по паспорту тоже были мещане, но основные рабочие массы в Москве были тесно связаны происхождением и в бытовом отношении с крестьянством, поэтому для рабочих прошлого века и начала XX в типична речь со следами диалектных особенностей. Я, к сожалению, не захватил, У меня в лаборатории есть фотография начала 20-х годов, где, видимо, изображены рабочие Трехгорной мануфактуры. Это сидят старые женщины, в платочках, заколотых булавками. Это совершенно крестьянская среда, даже по внешнему облику. Москва — столица со специфическим составом рабочих, здесь и женский труд, это не металлургический Ленинград. Представьте себе, что в Москве фабрики ткацкие на Петровке останавливались на Петра и Павла на покос. Эту картину я видел в 39—40 году в Нарофоминске, я там в округе собирал материал для диссертации, и там оказалась фабрика, она останавливалась на покос тоже на две недели. Значит, насколько быт крестьянский тесно был связан с бытом тогдашнего города.

Конечно, когда мы говорим "язык, речь рабочей окраины", надо с большой осторожностью относиться к определению "рабочая окраина", потому что в большинстве своем эта речь была связана с диалектной. Теперь, когда мы говорим об этих кругах населения, которые я перечислял, какое доступное образование, образовательный ценз для них был? Это в основном для мужчин начально-приходские церковные школы, это 2-4 класса; городские мещанские училища, а это образование ниже сред-

29

него; женские прогимназии с неполным гимназическим курсом; женские епархиальные училища — это для духовного сословия, — а в XX в. уже женские и мужские гимназии, мужские реальные училища, куда уже дети стремились поступать. Вместе с этим распространено домашнее образование учителей-надомников, частное. Начальные школы были распространены, и поэтому процент грамотности повысился только едва-едва на рубеже XX в. Но характерный этнографический момент, что в старообрядческих кругах процент грамотности был очень высок, и у мужчин, и у женщин. Например, даже в деревне в XIX в. около Боровска грамотность доходила до 85—90%, что в городах не всегда было; правда, эта грамотность определенного направления, церковнославянская, они даже если писали письма, то славянскими буквами писали, а не гражданкой, но все равно это был путь к овладению и грамотой гражданского образца.

Этнографическая структура этого мещанского населения в XIX в. такая. Московское мещанство тогда было приписано к слободам, которые находились в составе города, еще в 90-х годах. Еще и теперь сохранилась память в отдельных семьях об их несколько привилегированном положении, не приезжих, а коренных московских мещан, как след их цеховой организации, которая некогда содействовала ремесленному производству. Об этом в семьях, конечно, избегали распространяться, просто говорили с гордостью: "Мы из мещан с Бронной слободы", мне так в 46-м году сказала референт из Института мирового народного хозяйства. Она носила оригинальную фамилию Целовальникова, и она сказала: "Мы приходим из мещан с Бронной слободы, мы не приезжие", с большой гордостью сказала она. Я знал также потомков с Барашовской слободы, это у Покровских ворот. Кроме мещанских слобод, были ямские слободы, там государевы ямщики были, они получали содержание и обязаны были заниматься транспортом в эпоху до развития железных дорог, и вот там от них сохранились поселения на рубеже XIX—XX в. Это все о кругах мещанства так называемого. Какие еще были слободы? Переяславка, со своей церковью, отдельный мирок. Большая Переяславка. Малая, Средняя Переяславка. У Рижского вокзала, Бутырки, Тверская-Ямская, Коломенка, Павелецкий вокзал, ну, конечно, в современном быту все это воссоздать нельзя. Теперь, кто жил на окраинах Москвы? Из центра постепенно население коренное московское вытеснялось на периферию, так что коренные носители московского народного говора оказались на периферии Москвы — ремесленники, извозчики, огородники, вот они и их потомки. Конечно, все это трансформировалось, и потом тут один момент очень важный был. В Москву приходили мастеровые на постоянные и сезонные работы. Землекопы шли из Смоленской губернии, плотники из Владимирской и Рязанской, каменщики из Владимирской и Тверской и так далее. И естественно, они вставали (пристраивались) на квартиру на улицах у тех застав, откуда пришли, и часть их оседала и включалась в московское население. Так, в Дорогомилове в свое время был повышенный процент выходцев из западных местностей, Смоленщины и так далее. В селе Алексеевском на Переяславке - из Ярославской губернии, по Владимирке (это Шоссе Энтузиастов) — из Владимирской губернии, по Тульской — с Юга, по Нижегородской — это Рязань, это улица Нижегородская. Это население частично ассимилировалось с коренным населением московских окраин и частично уходило по окончании сезона на родину, отсюда в Черкизове, в Семеновском можно было услышать и оканье. Я знаком с рукописью Чернышева — языковеда, диалектолога старшего поколения, — он свидетельствует, что в 20-х годах нашего века даже вот в Щитникове, за Измайловом, он слышал еще оканье. Мне

30

кажется, все-таки это не то оканье, которое начиналось от Москвы в 20—30 километрах и шло прямо до Ледовитого океана. Это все-таки оканье, наверное, вот таких вот людей, не материк того оканья, а вот осевшие мастеровые, со своей территории, которые пришли и осели на соответствующей окраине. Конечно, все это надо учитывать. Возможны диалектизмы, которые включались или перерабатывались, перемальвались в этом народном московском говоре.

Ради курьеза сказал бы о национальных группах, которые оставили... или, вернее сказать, не оставили заметных следов в языке. Древняя западноевропейская группа — это Лефортово (Лафёртово в народном произношении) — растворилась, ничего не осталось. Французы, представьте себе, на Кузнецком мосту, вот эти шляпники, перчаточники, Грибоедов все возмущался Кузнецким мостом. Я московские фамилии знаю Лафонтэн, Депрё, Мессо, до сих пор они живут, ничем не отличаются от московского населения, мы сами жили 20 лет в доме Лафонтена, около "Эрмитажа". Древняя западнорусская группа из литовских мещан совершенно растворилась. Древняя украинская группа - это Маросеевка, хохловская Маросейка, Малоросейка — совершенно ничего не сохранилось. Древняя татарская группа в Замоскворечье, там она была очень давно, и так давно, когда татары еще не были магометанами, там это Спасоболвановка стояла, где они поклонялись огню и так далее. И магометанская позже, там была мощная группа, как вы знаете, татары после татарского ига в Москве насадили ремесло кожевников, и вот улица Кожевники, Татарская улица, Болвановка, вот та часть Замоскворечья, представьте себе, там до сих пор есть татарская группа населения современного; в Москве есть две группы, но безусловно они не связаны

совершенно преемственностью со старыми татарскими поселениями. Они растворились, по своему положению это же были захватчики, привилегированная группа населения, из них очень многие вошли в круги русской аристократии, и вот князья Мещерские, Касимовские князья, Булгаковы, Баскаковы — это дворянские фамилии таких дворян, которые пришли от татарщины. А вот новых групп татарских две. Одна, представьте себе, на старом месте, но преемственности нет, все татары — мишари (Мещера), из Рязанской области, Горьковской области, но не из Казани. Другая группа — это торгово-ремесленная, позже возникла — Трубная, на 4-й Мещанской живет до сих пор, но они тесно связаны с крестьянской родиной, это полукрестьянское население до сих пор, у них свои мечети, к тому же сказать, в Замоскворечье даже ларек с конским мясом есть на Замоскворецком рынке, около метро, на Пятницкой¹. Теперь древнегрузинская колония, название осталось "Грузины", больше ничего не осталось. Ради курьеза упомянуть о цыганской колонии, которая около двухсот лет жила в Петровском парке и связана с их ресторано-загородной деятельностью. Там "Мавритания" была, и они до сих пор там живут, там целые династии — Шишкины, еще во времена Пушкина, в цыганском театре до сих пор полно Шишкиных, сестер, братьев, внуков. Это все с тех пор идет. Я знаю, что наша сотрудница Липовская как раз жила на этой территории в детстве и в школе училась с цыганами, она мне рассказывала.

Национальные группы в других городах могли бы представлять весомый ингредиент, который влияет на развитие языка. В Москве все это перемололось и растаяло, ничего нет. Теперь — бывшие крестьянские окраины. Они вошли издавна уже в состав города. Следы этих старых

¹ Некоторые историко-этнографические наблюдения автора относятся к 50—60-м годам XX в. (Примечание редакторов).

поселений - вот площадь Восстания, еще называют "Кудрино", а не просто Кудринская площадь, как село Кудрино. Или как село Сущево около Новослободского метро, это Суцевский вал. Вас могло бы привлечь, что в составе Москвы были крепостные деревни, и деревни государственных крестьян, они могли, естественно, вносить определенный вклад в живую речь. Я имею в виду принудительные переселения крепостных крестьян из разных мест. Я должен сказать, что на улице Красноармейской около Сокола — это вотчина царей грузинских и князей Багратионов, это их крепостные деревни были. Немного больше, 100 лет назад, там было вполне крестьянское население. На улице Покровской много семей жило здесь до 40-х годов, сейчас их переселили, с фамилией Шуваловы, там тридцать домов и все Шуваловы, Шуваловы. Конечно, происходили они из крепостных графа Шувалова, и они были не родственники между собой, неизвестно почему Шуваловы. Второе, третье поколение уже забывает о своем происхождении, но насколько это крестьянская стихия, — целая деревня с одной фамилией. В Филах лет сто назад были крепостные деревни. Останкино (между прочим, Останкинский музей вел наблюдение за семьями потомков шереметевских мастеровых). .. Совершенно крестьянский быт, и в то же время территория города была. Ничего такого в мещанской среде быть не могло, это новое ассимилирование народное, потомки крестьян, они сейчас уже не отличаются от современного городского населения. Интересно мне рассказывала информантка Гударева, что, когда справляли свадьбу, собирали своих бывших односельчан, уже после того как переехали в новые дома к Соколу. Они еще по-старому чувствовали, свою принадлежность к крестьянской среде. Связи бытовые были по зонам.

(Показывает на карте районы распространения говоров, окружавших Москву). Это вот лингвистический ландшафт вокруг Москвы. Я срисовал те изоглоссы, чтобы показать, как близко это подходит к Москве, какое это имеет отношение к московскому народному говору. За пределами Камер-Коллежского вала было коренное крестьянское население, в речи которого встречаются диалектизмы того сектора лингвистической карты, который приближается к Москве (продолжает показ). Я не буду говорить про изоглоссы, я только отмечаю, что они существуют и очень выразительно себя проявляют. А яканье я сам еще фиксировал совсем недавно, в Нагатине, Коломенском, тут яканье.

В московском говоре не могло быть яканья; яканье, как и ёканье, — это одиозная крестьянская черта, я имею в виду тот антагонизм между крестьянами и городом, который был очень острым, а почему некоторые языковые черты считаются такими — это загадка, это не объясняется структурными особенностями языка. Почему, например, цоканье является ужасным, а [г] фрикативное простительным? Есть фонологическое объяснение, но возможно и обратное явление, которое необъяснимо ни фонологией, ни чем другим. Между прочим, на новой карте показано, что Москва окружена зоной умеренного яканья, это мне непонятно, потому что умеренное яканье распространено не здесь, здесь еканье или ёканье. Здесь интересный такой момент. У меня записан разговор о том, что по старым дорогам, ямским дорогам, распространялась московская речь в виде мещанского резкого напряженного ёканья. Так что вот около Люберец, вот эта территория — ёканье. . . Даже на территории уже оканья (за Пушкином уже окающая территория). Московская ямская дорога, ярославская (до Хотькова примерно) — акали, это цепочка акающих и икающих деревень. Значит, Москва как бы окружена такими радиусами распространения торговых сел больших и деревень с элементами московской речи. Ну, а секторы между этими радиусами, конечно, более диалектные.

Я упомянул об антагонизме старом бытовом, который сейчас, конечно, уже стерт. Это было вызвано

социально-экономическим отношением этих двух населений в дореволюционную эпоху, сложившимся бытом. И из ближних деревень даже до 20 верст ходили пешком в Москву продавать продукты питания, холст, пряжу, возили дрова, строительный материал, но с мещанским населением глубоких бытовых связей не было, а браки даже осуждались. Конечно, что это за брак: надо было отказаться от привычного ведения хозяйства, бросить землю, переходить в город. Это все имеет значение для определения характера городского говора. Интересно, что в подмосковных деревнях сохранилась память о старых названиях улиц и площадях Москвы: Мясницкая улица, Тверская, Сухаревка, Драчевка. И до сих пор те крестьяне, которые на Центральный рынок едут, у них уже традиционные пути торговли, — они в основном из Царицына. Я всегда спрашиваю: "Почему вы сюда из Царицына? Это же по Курской дороге". — "Мы потом идем в мастерскую, отдать в чистку на Драчевку". Я говорю: "А где же эта Драчевка?" Делаю вид, что не знаю. — "А по-вашему Трубная".

Так что я хочу сказать? Старый московский говор — где же надо его искать? Учитывая географическое размещение Москвы, местожительство носителей старого городского говора и их потомков, все это конечно нельзя абсолютизировать. Все же можно сказать, что материал для освещения поднятой проблемы нужно искать не в центре Москвы, а на ее периферии, у застав и за заставами. И конечно, если мы смотрим, почему Зыкина хорошо поет и хорошо говорит, произносит вернее, это потому, что она крестьянка из села Черемушки. Она любила сидеть на крыльце и петь, ее заметили, предложили учиться. Это она рассказывала (по телевизору выступала), свою биографию рассказывала. Вот на этой территории на наших глазах вот тает Тропарево, Беляево-Богородское, вот эти деревни, Воронцово уже сломали, я на днях ходил - уже нет Воронцова, и Семеновского нет, совсем недавно было, года два-три назад. А вот туда бы надо бы своевременно направлять экспедиции, хотя бы Московского областного педагогического института. Некоторые рвутся на далекую периферию, а сколько нужнее было бы изучать речь жителей коренных московских деревень, которые, может, на месте живут двести-триста-четырееста лет. Многие уже упущено и не восстановимо.

Теперь я не знаю, как мне быть. Может быть, хотя бы кратко сказать о некоторых языковых чертах, я говорил все время об этнографии этого явления. Что же нам наблюдать? Объект как вещь в себе все-таки как-то вырисовывается, мы его знаем, априорно мы уже знаем, куда идти и кого записывать. Спрашиваем паспортные данные своих дикторов, которых мы опрашиваем, и оказывается, что действительно, по морфологии, по лексике оказывается очень много общего, называемого просторечным в современном смысле слова. Но в фонетике есть моменты, так сказать, интуитивно го характера, которые простой транскрипцией иногда не вскрываются, а они создают колорит старой московской речи. Если попробовать их си стематизировать, оказывается, что московский говор, очевидно, издавна не представлял собой того идеального единства, о котором говорили языковеды старшей поры. Я не могу сказать, что это только одно московское, но не другое. Это неспроста. Возможно, это воздействие старых диалектов, которые создавали московский говор, но не достигли того идеального единства, которого якобы достиг литературный язык, в нем тоже много диалектного. Я обращал внимание на двойственность многих этих признаков. И в основном-то выходит, вот Соболевский говорил: "Большой раз ницы нет между литературным языком и диалектами". Как нет? Вы сами

33

услышите, сразу же, с первых же слов наших дикторов, что это что-то другое, а не литературное произношение. Не в составе звукового строя, т.е. не в составе фонем, а в разновидностях позиционных изменений. К сожалению, в прежних фиксациях эти тонкости не могли получить детального словесного описания и не отражены в транскрипции, довольно упрощенной.

Например, ритмическая структура слова. Мы имеем в виду такие слова, как *пароход, самовар, потакать* - та-та-та́ - с ударением на конце. Она имеет важное значение для определения многих говоров. Конечно, структура слова не складывается в этом отношении только из распределения длительности. Тут имеет значение еще характер тембра, степень редуции, усиление или ослабление звука.

Например, в новом стандартном языке слово *потакать*, мы гласные обозначим красными полосами, а согласные синими. Значит, в слове *потакать* я выделил только [ъ] — [а] — [á]. [Показывает таблицы распределения длительности гласных в слове]. Все здесь выверено, в миллисекундах, все это выражено в процентах, тут дана натуральная картина распределения длительности гласных и согласных. Вот посмотрите, гласные под ударением, конечно, длиннее, не намного покороче первый предударный, и довольно короткий второй. Теперь посмотрите московский коренной традиционный говор в отношении к этому новому стандарту. Здесь эти отношения иные: довольно большой этот [показывает на гласный I предударного слога] и довольно большой этот [ударный гласный], но за счет этого [гласный II предударного слога]. Например, *салогн*. Не с[a]п[á]гí, а [с^бпáг'í]. С чем это контрастирует? Это вятская скороговорка. Та-та-та́ (имитирует). Никак не могут студенты периферии выучиться центральной русской ритмике слова, мучаются, переучиваются, а никак не могут.

А вот владими́ро-поволжская ритмика. Это [п^бтака́т'], [г^блова́], [п^брохо́т], [с^бмола́от]. Смотрите, как сильно растянут I предударный и как проглатывается почти этот [показывает на таблице гласный II предударного слога]. Как это контрастирует с литературной ритмикой, отличается от нормы, стандарта. И когда я выбираю по картинке, к чему это ближе, то оказывается, что эта картинка вот эта [показывает таблицу распределения длительности гласных в московском народном говоре]. Посмотрите: это [с^бмола́от], а это [с^бмала́от], это [п^брова́с], это [п^брава́с]. То же самое, но только аканье. Теперь встает интересный

исторический вопрос: кто на кого влиял? Неужели Москва влияла на владими́ро-поволжскую группу? Не наоборот? Это старая основа севернорусская?... (нрзб.) Но в данном случае поразительно, что на восток и на юго-восток и на северо-восток от Москвы мы видим такую же ритмику, но на территории окающих говоров.

[Фрагмент беседы об у-образном "о", растяжке гласных пропущен из-за технического несовершенства записи. — Ред.]

Вот с растяжкой, с повышением мелодии связано замечание Достоевского, когда он характеризует речь мещан при вводе ее в действие, он говорит, что у них была характерная слащавая растяжка предударного слога, растяжка гласного. Все-таки Достоевский хотя и петербургский писатель, но он родился у нас на Божедомке и знает, конечно, московское мещанское произношение. Вот эта растяжка гласных — *са-ама́, па-ашла́* — он считает — это слащавое, отвратительное и связывает это с московским говором.

Теперь относительно аканья я вам скажу. Когда мы говорим об аканье, что такое аканье, мы знаем это в фонологическом плане. Московская речь склонна именно вот к этому типу произнесения гласных, а не к такому, который признавал у себя Щерба. Как вы знаете, Щерба, согласно своему

34

произношению, записал так: Л (пишет на доске), и так пишет и Реформатский. Но эта буква читается по-разному. Вот ленинградская фонологическая школа упорно придерживается этой транскрипции. Оказывается, Щерба все-таки отказался от этой записи, от применения вот этого знака (т.е. и квалификации произнесения), он говорит, что на самом деле надо писать не эту букву Л, но а (со знаком подъема). Вот с этим мы согласны, это будет улучшение литературного произношения.

Теперь, в отношении еканья и йканья надо сказать. И вот йканье и еканье, очевидно, сосуществовали в Москве испокон веков. Очевидно, йканье — исторически это более древнее, пришло с юга когда-то. Но нельзя сказать, что московская речь обязательно такая, а не такая, как говорится в некоторых справочниках. Это вот та речь, которая свойственна большинству из нас, это вот такое [и] этимологическое: *л[и]ры* — *л[е]ро*, это будет по-разному: *л[и]ры*, но *л[е]ро*, и это называется мещанским йканьем в литературе XX в. Несколько расплывчатое понятие. Что значит мещанское йканье? Сам Ушаков проповедует, что надо не йкать, а екать.

В своей же натуральной речи Ушаков и йкает, и екает, но, насколько я представляю, у него преобладало йканье в бытовой речи, но оно не резало слух, как не режет всем нам. В мещанской речи оно носит, как раньше говорили, вульгарный оттенок. Но слово *вульгарный* изжило само себя. Что такое вульгарный? Вульгарная латынь — народная латынь, простонародная. У нас есть понятие вульгарного (условно говоря) йканья — это резко напряженное йканье — *в[й]сна, л[й]ры, л[й]рог*. Это [и] режет слух, это йканье мы транскрибируем как не просто напряженное, а сверхнапряженное, и оно дает характерные призывки.

Но вы можете послушать такую старую речь в ГУМе. Вот у некоторых продавщиц ГУМа (видимо, трудно попасть туда на работу, и у них "каста" своя), послушайте, какая у них речь, как они глотают второй предударный слог, растягивают безударные, какая интонация.

Чтобы наблюдать языковую панораму и методом статистики сортировать, сколько случаев в речи одного диктора еканья и йканья (по-моему, на 25 мин. это 2500 — 3000 слов), если иметь в виду, что процент по русскому языку таких слов, как *голова, самолет*, — 7%, тогда слов 170— 200 наберется из этого текста, и это довольно значительный для статистики материал. Некоторые люди очень пластичны в беседе, и они подчиняются чужой речи. Если они говорят с йкальщиками, они нечаянно начинают йкать, хотя обычно екают. Тут кто кому поддается в интонации в диалогической речи, кто кому подчиняется в интонации, кто какую песню начинает, подхватывает и ведет музыкальную фразу. Потом вскрылось и такое, что связано со стилем: если что-нибудь такое серьезное, торжественное — еканье; если что-то бытовое, небрежное — йканье. Потом заметим так, если во фразе есть много этимологического *и*, — ну типа *пирь*, то оно как бы абсорбирует, притягивает к себе *и* коренное, и получается целиком йкающая фраза, человек настраивается на йканье нечаянно. Если статистику ввести, чего больше, чего меньше в речи, (и считать) без учета внутренней закономерности живой речи, которой еще никто не занимался в таком аспекте, то, конечно, мы не получим точного ответа.

Мне хотелось бы еще сказать об оканье. Вот знаете, что в какой-то частной системе в литературном языке может быть оканье (например, в произношении иностранных слов). Как реализуется оканье в народном говоре? Какое-нибудь *ш[о]ссе* это будет *ш[и]се*, какое-нибудь *л[о]эт, р[о]манс* будет *л[а]эт, р[а]манс*. Но вот местное население Мещанских улиц (обнаруживало), как я называю, "стыдливое оканье", т.е. произносили *Б[о]бет*: сохраняют оканье, но все-таки аканье выдает. При частом произ-

35

несении этих фамилий может и не дойдут до *Б[а]бет*, и все-таки это [о] есть в речи тех кругов населения, которые я изучал. Между прочим, по встречаемости слогов "нэ" [с твердым согласным] или "не" [с мягким согласным] закономерности, очевидно, нет. Прекрасно умещается в слога *бэ, дэ, нэ, бе, де, не*, и это не только в названии букв.

Последнее: мне бы хотелось сказать о таком противопоставлении: как надо в Москве говорить — *е[ж̣]у* или *е[ж̣]у*. Конечно, *е[ж̣]у* говорят в городе только молодые москвичи. Коренные москвичи говорили *е[ж̣]у, дрб[ж̣]и*. Мы знаем, что буква *щ* может произноситься как *ща* однородная и как *сча*, но в потоке живой

речи встречаются часто преобразования, которые напоминают произношение новое литературное. Внешне оно как бы то же *сча*, но на самом деле представляет собой редуцированное... Тут как бы начинается *ша* обычное, потом дальше идет *ша* страшно напряженное, но не доходит оно до смычки, и дальше *тэ* мягкое, знаете, как паровоз шумит на улице [произносит]. Впечатление того, что это *ща* как *ща* и *ч*, на самом деле нет. Это относится к тем интимным моментам, которые взяты прикладниками на вооружение.

Я пропускаю много разделов, но нужно мне только сказать — я считаю, что московский говор как континуант старого московского говора еще живет. Края этой языковой единицы, как я уже говорил, размыты, но это не дает основания снимать проблему. Прежние авторы по-разному говорили о различии между литературным языком и московским говором, говорили, что различия в фонетике незначительны, но если совсем тают лексические вот эти одиозные всякие *оné* или *они*, или вот эти морфологические образования всякие - *жаёт* или *жжет*, вот если это пропадает, то целый фонетический класс обнаруживает много особенностей, и если прежние авторы говорили о единстве говора, мне кажется, все-таки нужно отметить его неединство, и вероятно, и *с к о н н о е*. Как вы видите, эта тема обширная, она могла бы быть, конечно, и коллективной, она требует детального этнографического описания, материалов, их ответвлений очень много. Нам лучше ответить на многие частные вопросы в индивидуальных беседах. [Далее идет прослушивание образцов записей].

У меня тут поставлена запись одна, это с восточной окраины Москвы дикторша, и она интересна в том отношении, что в восемнадцатом-девятнадцатом году работала курьером в одном советском учреждении, входила в Кремль, видела Ленина, там вот это она описывает, вот послушайте. Обратите внимание на ее ритмику с растяжкой. В конце она говорит слово *ж[ы³]ра* и *ж[ы³]рища*, со вкусом она это произносит. Преподавательница сценической речи, которая написала книгу о правильном московском произношении (я давал ей прослушать эти записи), сказала: "Боже мой, всю жизнь прожила, и только сейчас впервые услышала *ж[ы³]ра*, хотя всю жизнь учила, что так надо произносить". Вот заведите, пожалуйста, послушайте ритмику [воспроизводят запись].

До чего трудно мне как диалектологу работать в условиях городской диалектологии! Как нас легко, приветливо встречают на периферии и как трудно работать на московской окраине. "Говорим мы, как вы, ничем мы не замечательны. Что вы передразнивать что ли приехали? Ничего особенного нет". Приходилось дипломатию разводить. Это давно было, в Карачарово, самый крайний дом, каменный низ и верх, строили еще на деньги, которые они получили за отчужденную землю, когда строили окружную железную дорогу. Они получили страховку, выстроили этот домик, и вот они живут уже несколько поколений в этом домике. Женщина не хотела заговаривать, но я прошел раз, прошел два, и возбудил страшное любопытство. Она меня окликнула: "Гражданин! Вам чего-нибудь

36

нужно?" Я загадочно ответил: "Нет, мне ничего не нужно". "Ну а чего же?" Тут я немножко согрешил. Я говорю: "Знаете что, я тут был в детстве, и ничего не узнаю". Меня осенило, что это путь к ее сердцу. "Знаете, я был в детстве, здесь улица была, то, другое"... Это сразу попало на ее любимую струнку, она сразу меня засыпала материалом после этого, и мы пригласили ее сюда, и от нее записано очень много текстов, уже в Институте.

Теперь другой образец речи, из более культурной среды. Вот послушайте, она рассказывает о семнадцатом-девятнадцатом годе. [Прослушивается запись]. Вот видите, вот эта структура внутренняя дифтонгоидов очень близка к владими́ро-поволжской, если нарисовать схему, то и не отличить от владими́ро-поволжской группы, хотя это коренные московские жители, из старых мещанских кругов, т.е. основного городского населения. Сейчас я покажу в виде образца речь подмосковной деревни. Вот там *яканье*, это коренные местные, деревня Чагино, это ближе, чем Капотня (Капотня — это уже загород). Вот образец крестьянского подмосковного говора, встречается там *яво*, и *яму* там в речи немножко проскальзывает, при ритмике очень похожей, знакомой, а вариативность гласных, варианты и вариации уже иные, не собственно городские. [Прослушивается запись].

А сейчас я хочу вам кусочек, очень маленький, дать из записи Дмитрия Николаевича Ушакова. Помните, я показывал года два назад обнаруженную с большим таким трудом ленту, которую копировали-перекопировали в театральном обществе. Это образец лекции, которую Дмитрий Николаевич Ушаков произносил перед учителями, о правильном московском произношении. Интересно то, что в конце он дает в своем собственном произношении рассказ Чехова "Дачники". Этот рассказ в его дореволюционной русской диалектологической хрестоматии приведен в транскрипции, и вот проходит сорок лет, он произносит это же самое. Интересно видеть сдвиг, как он транскрибировал себя в девятьсот десятом примерно году, и как он произносит около сороковых годов. Сдвиг, конечно, есть в сторону *йканья*. Значит, даже на протяжении одной лингвистической биографии (Дмитрия Николаевича Ушакова) можно наблюдать сдвиг, это очень интересный материал. Обратите внимание, как он сбивается с *еканья* на *йканье* все время, хотя проповедует, что надо *екать*. [Идет прослушивание записи].